

Тёплый ветер подул, яшмовый лист падуба одиноко упал на подоконник, снова подул, и по свету, проникающему внутрь, улетел на парту Чжоу Цзиньшэна.

У Чжоу Цзиньшэна были узкие, длинные, острые глаза-фениксы (фэнъянь). Когда он пристально смотрел, это было словно острый клинок, способный пронзить сердце человека. Под долгим пристальным взглядом этих глаз, обладающих огромным давлением, даже человек, не совершивший ничего дурного, чувствовал себя неуютно.

Лицо Шэнь Юя слегка порозовело, он опустил тонкие веки, уставившись на тот лист падуба, на лице проступила доля смущения от раскрытого секрета.

Лист падуба, словно зелёный нефрит, лежал на странице книги, как вставная картинка, естественно сливаясь с ней. На листе проступали прожилки.

Одна, две... восемь.

На левой стороне листа было восемь очень тонких прожилок. Шэнь Юй спокойно пересчитал их, поднял голову и встретился взглядом с Чжоу Цзиньшэном.

Чжоу Цзиньшэн с довольным видом смотрел на него.

Шэнь Юй искренне, тихо объяснил: «Извини, раньше я действительно знал о тебе, часто слышал от родителей, немного слышал и от друзей, но...»

Чжоу Цзиньшэн приподнял бровь: «Но?»

После откровенности стало легче на душе. Шэнь Юй тяжело выдохнул, на лице появилась улыбка: «Но не хотел, чтобы ты неправильно понял, хотел естественно, как все, стать друзьями».

Друзья?

В сердце Чжоу Цзиньшэна промелькнула странность. Он уставился на Шэнь Юя, вглядываясь несколько секунд, потом неторопливо произнёс: «Неправильно понял?»

Психологическое давление разыгрывал на ура.

Шэнь Юй кивнул, мысли погрузились в воспоминания: «... Например, снова неправильно понял бы приближение с каким-то мотивом».

Чжоу Цзиньшэн внутренне усмехнулся, подумав, что этот человек ещё и самоосознающий, и

уловил прореху в словах Шэнь Юя.

Он приподнял бровь, на лице ни капли хрупкой усталости после боли в желудке, глаза горели, словно тёмный огонь: «Снова? Что значит?»

Шэнь Юй не говорит, снова опустил голову, начал считать прожилки на правой стороне листа падуба.

Одна, две, три... Сосчитав до пятой прожилки на правой стороне листа, как и следовало ожидать, услышал новый вопрос Чжоу Цзиньшэна: «Раньше кто неправильно понял?»

Зная, что избежать не удастся, Шэнь Юй вздохнул, честно тихо ответил: «Одноклассники в прошлой школе».

Чжоу Цзиньшэн, казалось, легко справлялся с таким ритмом допроса, в глазах вспыхнули пугающие острые искры, любая маскировка в его глазах казалась бесполезной.

Он подпер щеку рукой, уставился на Шэнь Юя и продолжил допрашивать: «Как неправильно поняли?»

Поскольку при счёте до пятой прожилки на правой стороне ход мыслей был прерван Чжоу Цзиньшэном, Шэнь Юю пришлось начинать заново.

На этот раз счёт шёл медленнее, но результат не отличался: на правой, как и на левой, было восемь прожилок, плюс основная, всего семнадцать.

Прожилки действительно, как он и предполагал, симметричны по количеству.

Люди ничем не отличаются от листьев деревьев.

Шэнь Юй опустил глаза, щеки покраснели, наконец заговорил: «Два года назад учился в государственной школе «Дэман», через двоюродного брата познакомился с одним его другом. Поскольку часто слышал о нём от двоюродного брата, в последующем общении невольно проявил некоторую фамильярность».

Голос Шэнь Юя становился тише, голова опускалась всё ниже, он слегка замялся: «Потом, потом произошёл ненужный казус».

Чжоу Цзиньшэн привык держать инициативу в разговоре, был бесчеловечен, неумолим: «Какой казус?»

Шэнь Юй глубоко вдохнул, подбадривая себя.

Шэнь Юй закрыл глаза, голос стал тонким, словно комариный писк: «Он подумал, что я...»

Чжоу Цзиньшэн не расслышал: «Ты что?»

Для натурала такие слова были просто взрывоопасными по уровню стыда. Шэнь Юй иносказательно сказал: «... Он подумал, что у меня к нему есть чувства».

Чжоу Цзиньшэн не понял: «Какие?»

После повторных вопросов Шэнь Юй, рассердившись от стыда, выпалил громко: «Чёрт, он подумал, что я в него влюблён!»

Этот возглас был прямо-таки проникновенным, эхо не утихало. Чжоу Цзиньшэн явно опешил.

Оба замолчали.

Шэнь Юй первый опомнился. Глядя на невероятное выражение лица Чжоу Цзиньшэна, он, не теряя времени, продолжил промывать ему мозги: «Я знаю, многие люди приближаются к тебе с самыми разными целями, но я не хочу, чтобы ты неправильно понял, кхм, подобные недоразумения или другие. Я всегда верю, что встреча каждого человека — это судьба, опыт, история».

Шэнь Юй продолжил серьёзно: «Если человек всегда с какой-то целью приближается к другому человеку, то, какой бы ни была цель, он уже неосознанно надел маску. Маску трудно снять, и нет разницы с теми лицемерами, приспособленцами».

— Мне не нравятся такие люди.

Сначала извинись перед самим собой.

Шэнь Юй мысленно молча поставил себе свечку и по-прежнему упрямо любил себя.

Даже если этот мир ошибается, он не будет ошибаться.

Вот именно.

Чжоу Цзиньшэн сохранял молчание, парой глубоких чёрных глаз долго вглядывался в Шэнь Юя.

Шэнь Юй помедлил, казалось, чувствуя некоторую вычурность в обсуждении таких тем.

Он неловко отвел взгляд, щёки порозовели, проявилась некоторая застенчивость: «Но человеческие отношения слишком сложны. Мы всегда из-за прошлого опыта невольно вкладываем свои предубеждения в начало новых отношений».

Но ты особенный, ты не такой, как другие люди, которых я знаю.

Нет, не эта фраза.

Ты даёшь мне ощущение отчуждённости, одиночества, то приближаешься, то отдаляешься. Я слышал, как многие говорят, что они одиноки, но я думаю, твоё одиночество — настоящее одиночество.

Нет, тоже не эта.

Шэнь Юй помолчал две секунды, продолжил:

«... Как я вначале тоже из-за такого предубеждения неправильно понял тебя, боялся, что ты подумаешь, будто я намеренно приближаюсь, поэтому намеренно скрывал факты, но вместо этого получилось хуже».

«Мне нужно себя покритиковать, правда извини, ты другой. С самого начала мне не следовало слишком много размышлять о тебе, это не то, чего стоит стыдиться».

«Возможно, тогда у нас не было бы сейчас таких ненужных недоразумений».

«Извини».

Шэнь Юй опустил глаза, голос искренний, чуть ли не сложил руки и не поклонился.

Свет падал на лицо Чжоу Цзиньшэна, линия подбородка угловатая, чёткая, по-прежнему острая и холодная, как всегда.

Чжоу Цзиньшэн молчал, Шэнь Юй тоже молчал.

Такие одарённые с рождения любимцы судьбы, как Чжоу Цзиньшэн, встречались нечасто. Хотя они, как и остальные, высокомерны, самоуверенны, нарцисичны, но также умеют саморефлектировать, мысли у них богатые, но всё изученное о последнем лишь для того, чтобы лучше закрепить первое.

Обычно они властители слова, лидеры масс.

Проще говоря, любят командовать.

Эти люди не могут противостоять горячему, стойкому и чистому характеру. Главный герой-защитающийся в оригинале — типичный представитель такого типа.

Изначальный характер Шэнь Юя был лицемерным, меркантильным, самонадеянным, совершенно не таким.

Но поскольку Шэнь Юй сейчас прибыл на восемь лет раньше, а в оригинале не упоминался прошлый опыт изначальной личности, то, пока Шэнь Юй мог дополнить опыт персонажа, сделать логическую линию образа последовательной, соответствующей характеру через восемь лет, аномалии не будут обнаружены.

Шэнь Юй уже старался в пределах оставленного пространства для образа играть с Чжоу Цзиньшэном в прямую атаку, чуть ли не крича, прямо приклеиваясь к лицу Чжоу Цзиньшэна.

Влажный и жаркий летний ветер подул, с шорохом — не листья падуба шумели, а ветер поднимал тонкие светящиеся насквозь бумаги на парте.

Те чёрные символы, те письма, которые большинство считают тёмными и непонятными, словно какие-то спиритические руны, текли нежно в золотистом, словно ткань, свете.

Золочёные страницы книги одна за другой вжимались в глубокую тьму.

Чжоу Цзиньшэн опустил ресницы, лицо спокойное, по нему нельзя было угадать его мысли.

Шэнь Юй терпеливо ждал, предполагая, что этот человек сейчас в мозгу ведёт какую-то борьбу.

У таких, как Чжоу Цзиньшэн, у людей с деньгами и властью мир всегда полон больше подозрений, домыслов, интриг, чем у обычных. Один поступок могут истолковать не менее ста разных смыслов.

Если не накинуть побольше петель, чтобы они сами откопали так называемые факты и истину, то как бы ни было правдиво, пока не увидят своими глазами, наверное, не поверят ни капельки.

Но такой трюк мог обмануть только пока ещё наивного и милого злодея.

Да и даже если обманет, эффект, наверное, будет не очень хорошим, максимум — как крылышки стрекозы, касаясь поверхности озера, на водной глади под сиянием возникают рябь и блики.

А сколько эта рябь произведёт бликов или как долго эти блики будут длиться — неважно.

Потому что рябь в конце концов рассеется, а на поверхности воды не останется никаких следов.

Шэнь Юю было жаль, его речь не заставила Чжоу Цзиньшэна прийти в ярость от стыда.

Потому что смысл его слов также намекал на существующие у Чжоу Цзиньшэна предубеждения.

Немного рискованно.

Спокойная реакция Чжоу Цзиньшэна говорила о том, что уже в этот период у него сформировалось очень сильное и стабильное духовное ядро, и самоидентификация. Видимо, и восемь лет назад, и восемь лет спустя Чжоу Цзиньшэн был крепким орешком, задача заполнить шкалу благосклонности очень трудна и долга.

Но этот орешек уж слишком твёрдый!

Как и следовало ожидать, Чжоу Цзиньшэн ничего не выразил.

Нормальный человек должен был бы разрешить недоразумение, потом два больших мужчины, проникшись взаимным уважением, с улыбкой забыть старые обиды, протянуть руку, пожать и снова представиться, показав, что страница перевернута, прошлое не вспоминать.

Забыл, Чжоу Цзиньшэн не нормальный человек.

Стул с скрипом отъехал назад.

Чжоу Цзиньшэн наклонился, медленно поднялся с места, выпрямился.

Он был высокого роста, длинноногий, плечи широкие, поза всегда непринуждённая и расслабленная, телосложение явно уже приближалось к взрослому, можно сказать, лучше, чем у подавляющего большинства взрослых.

Невзрачная белая рубашка школьной формы на высоком юноше, серебряный школьный герб сиял. Словно он шёл не на урок физкультуры, а на какой-то вечерний приём для сливок

общества.

Проще говоря, выглядел очень дорого.

И безупречная школьная форма, и сам Чжоу Цзиньшэн для прежнего Шэнь Юя были недостижимы.

Чжоу Цзиньшэн, высокий и длинноногий, когда встал, принёс с собой сильное чувство давления. Тёмные, словно туман, зрачки скрывались под длинными густыми ресницами, эмоции всегда были неясны.

Шэнь Юй с недоумением поднял голову, глаза-персики переливались и были полны чувств.

Лицо, обладающее большой убедительностью.

Чжоу Цзиньшэн беспечно оценил.

Шэнь Юй моргнул, подняв голову, с улыбкой спросил его: «Что?»

В глазах Чжоу Цзиньшэна быстро промелькнула странность, мгновенно исчезнув.

Чжоу Цзиньшэн приподнял одну бровь: «Урок, ты не пойдёшь?»

Тон, не терпящий возражений.

Чжоу Цзиньшэн, засунув одну руку в карман, уходя, бегло взглянул на Шэнь Юя, повернулся и пошёл к двери.

Значит, проснулся не сам, и не от топота каблучков Вивиан, а потому, что пора на другой урок.

Шэнь Юй добросовестно выполнял обязанности младшего брата, ловко захлопнул книгу, лежащую на парте Чжоу Да-шаона, вскочил и поспешил догнать.

Шэнь Юй схватил Чжоу Цзиньшэна за руку: «Подожди...»

На длинном коридоре третьего этажа государственной школы «Цзинъян» Чжоу Цзиньшэн остановился.

Он обернулся, холодный взгляд, казалось, пронзал руку Шэнь Юя, схватившую его.

Шэнь Юй мгновенно почувствовал ледяную убийственную ауру.

Словно в следующее мгновение кровь разрежет лезвие, обнажив под ним зловещие белые кости.

Шэнь Юй, выдерживая эту убийственную ауру, на лице выразил несогласие: «У тебя уже такое состояние, а ты всё ещё на урок? Сейчас отдохни в классе, я потом внизу скажу учителю».

Проклятый чистюля.

— Я не люблю, когда меня трогают.

Взгляд Чжоу Цзиньшэна упал на руку Шэнь Юя, лежащую на его предплечье.

— Поэтому отпусти.

Раз уж ты так искренне просишь Шэнь Юя, Шэнь Юй не какой-то бессердечный мерзавец, конечно, согласится с твоей просьбой.

— А, извини, я не знал.

Шэнь Юй поспешно убрал руку, пальцы смущённо потерли переносицу.

Чжоу Цзиньшэн смотрел на него.

Шэнь Юй продолжил: «Но ты же не можешь так идти на урок. Я попрошу за тебя учителя, ты должен отдохнуть в классе».

В последней фразе впервые проявилась некоторая настойчивость.

Шэнь Юй смотрел на Чжоу Цзиньшэна, зрачки фильтровали свет, словно ртутная поверхность, на которой играли рябь и блики. На водной глади отражалось лицо Чжоу Цзиньшэна, и забота в нём не казалась притворной.

Шэнь Юй сказал: «Хорошо?»

Забота, правдивая или нет, неизвестно.

Чжоу Цзиньшэн слегка повернулся, за окном коридора дул тёплый ветер, далёкое небо было бескрайним, в нос ударил лёгкий аромат, похожий на запах геля для душа, которым обычно

пользовался юноша.

Со спортплощадки доносился шум учеников, казалось, кто-то звал их имена внизу, но никто не обратил внимания, как никто не знал их сейчас мыслей и идей.

Всё было ещё нераскрытой загадкой.

Чжоу Цзиньшэн смотрел на Шэнь Юя.

Шумный ветер развевал школьную форму обоих.

Через мгновение Шэнь Юй услышал ответ Чжоу Цзиньшэна.

— Ладно.

<http://bllate.org/book/15910/1427394>